

Проза

СВЕТЛАНА МОСОВА

Писатель, журналист

Родилась в Кишинёве. Закончила филологический факультет Кишинёвского Госуниверситета. Работала редактором Гостелерадио МССР. С 1992 года живёт в Санкт-Петербурге. Член Союза журналистов, член Союза писателей. Печаталась в литературных сборниках и журналах «Кодры» (Кишинёв), «Нева», «Звезда» (Санкт-Петербург), «Подиум» (Вена), в «Литературной газете». В издательстве «Геликон-плюс» вышла книга прозы «Дождь из кошек и собак».

«Женской прозе присущи изящество, изысканность и тоска по идеалу. Эти три качества и составляют талант Светланы Мосовой». Виктория Токарева

КОЛОТУН БАБАЙ

Если татарскую кровь смешать с казахской, а потом ещё с уйгурской, то что получится? А получится Галя.

А вообще-то она Кульзян. Черный цветок. Красиво.

Смуглая, черноволосая, чернобровая, черноокая — её с детства все так и звали: галка да галка. Правда, трудно представить, что другие в этом краю были блондинами. Ну и она стала звать себя в Питере Галей. Чтобы всем проще было. Побеспокоилась. Как зовут? Кульзян. Как?! Ну, Галя.

Галя возникла в моей жизни средь бела дня — круглая, сдобная, в лёгкой свободной блузе, которую легкомысленный весёлый ветерок вдруг взял да и задрал вверх, обнажив детское, как у Амурчика, пузико.

— Я — Кульзян.

— Как, как?..

— Кульзян. Ну, Галя, короче.

А почему Галя?.. Кульзян лучше. Какая же вы Галя?! Папа Гали, Аюп, в пятидесятом бежал из Китая. В Китае слышали, что в там, в России, жить хорошо, и Аюп мудро решил, что надо жить хорошо, — и бежал. С приятелем. Ночью перешли границу, а утром поймали колхозную лошадь и, голодные, съели эту социалистическую собственность. Трапезу не закончили, потому что бдительные колхозники, проморгав собственность, поймали конокрадов. И Аюп оказался в тюрьме.

А в тюрьме было хорошо. Зэки работали на сахарном заводе, и голодный худой Аюп впервые в жизни отъелся. Шесть сладких сахарных лет пробежали быстро, и Аюп вышел из тюрьмы с твёрдым убеждением, что и в тюрьме жить можно.

И пошёл Аюп куда глаза глядят, дошёл до Усть-Каменогорска, женился и там осел окончательно.

Всю жизнь Аюп проработал в шахте. Вставал в пять утра, возился в огороде — и в шахту. А по воскресеньям готовил китайские блюда: брал бараний желудок, целиком, с трубами, вливал через эти трубы молоко с мукой, жарил, а потом нарезал — очень вкусно. По праздникам выпивал, но себя соблюдая: выпьет рюмку и тут же закусит куском масла: боялся опьянеть и дураком выглядеть. Поэтому рюмочку выпьет — и тут же маслице! И дураком Аюпа никто не видел.

Прожил Аюп в темноте, в шахте, а под конец жизни совсем ослеп. Устав от темноты, старый Аюп позвал жену и попросил помочь ему уйти туда, где Свет, но жена сказала: побойся Бога, Аюп, ты прожил свою жизнь честно, достойно, а под конец хочешь всё испортить?!

И Аюп послушался жену и свою жизнь не испортил, превозмог искушение и честно дождался Света.

Галя, любимая дочь Аюпа, росла девочкой разумной и справедливой. Аюп учил Галю: найдёшь кусок хлеба — положи для птиц. Найдёшь деньги — не радуйся: подумай о том, кто потерял их. Потеряла — не расстраивайся: значит, кому-то они были нужнее. Старших почитай! Галя почитала, и впоследствии все бабушки на свете (а бабушки разные бывают!) могли из Гали вить верёвки.

Галя выросла мудрецом. Жизни надо радоваться, говорил Аюп, и Галя радовалась. А расстраиваться глупо, и Галя не глупила. Как там в песне поётся: «Красивая и смелая дорогу перешла» — ну и ладно, чего расстраиваться-то? Справедливо, раз красивая и смелая.

Галя только один раз всерьёз расстроилась, и то в детском саду, когда дети сказали ей, что это не Дед Мороз, а Людмила Васильевна.

— Как Людмила Васильевна?! — не поверила Галя.

— Да ты на ноги-то взгляни!

Галя глянула на ноги Деда Мороза и узрела родные боты Людмилы Васильевны. И печаль её была глубока.

А потом Галя выросла, и подруга позвала её в Питер: обещала белые ночи, берёзовые рощи и несметное количество морячков — бери не хочу.

С морячками в Питере и вправду было хорошо, подруга не обманула, а вот с белыми ночами в апреле вышло не очень... И за берёзовыми рощами пришлось смотаться в Ольгино, где их сожрали комары, но впечатление опять-таки скрасили морячки, не сводившие глаз с Гали в электричке.

В Питере было холодно: «Колотун!» — ёжась, говорил народ. Ещё одно было родное слово — «бабай»: бабай да бабай! — взрослые пугали своих детей: «Вот сейчас бабай придет, в мешок заберёт, — а ну, ешь!»

А ведь что такое «бабай»? Дедушка! Просто дедушка. Милый татарский дедушка. Галин дедушка Равиль. Про Равиля никто не знал, и что такое «бабай», толком тоже никто не знал — так, чёрт какой-то, и Гале было обидно.

Потому что язык — это сознание нации. Язык сохранил слово и весь его негатив ещё с тех пор, когда орда бородатых бабаев заплонила Древнюю Русь и, скажем прямо, плохо себя зарекомендовала тогда. С тех пор много воды утекло, а слово осталось. Но Галя не желала отвечать за всю орду. С чего вдруг?

А «колотун» — это мороз. Видимо, татаро-монгольская орда мёрзла на суровых русских морозах и кричала, жалуясь друг другу: «Колотун! Колотун!» Русичи запомнили. Точнее, язык запомнил, выбрал, так сказать, в себя, а бабаев — нет, бабаев потом выперли. Через триста лет. Вот и всё.

Но есть ещё Колотун Бабай — Дед Мороз по-татарски. Людмила Васильевна.

Привыкая зреть кругом славянские лица, Галя очень удивлялась, встречаясь в зеркале со своим и чувствуя себя чёрной вороной среди белых. Но не каждому силы на это даны, и Галя клюнула на рекламу: «Исправляем точный разрез глаз на европейский». Звали всех желающих, кому больше нечего делать, — и Галя двинула, решив придать своим раскосым очам более горизонтальное положение.

— А зачем тебе это надо? — спрашивали подруги.

— Надо, — отвечала Галя.

— А Кузе тоже сделаешь операцию?

— Кузе?! Зачем? — удивлялась Галя, глядя на сына, потомка Батия: он — совершенство.

В общем, Галя пошла. Неизвестно, что делали там с Галей и за что брали деньги, но только потом, глядя на Галю, хотелось спеть: «Каким ты бы-ыл, та-аким ты и остался-я!..» Но Галя была довольна.

— Пусть только теперь кто-то скажет мне, что я — «татарская морда»! — говорила Галя.

Галя была агентом по продаже недвижимости. Как датская принцесса. Но Дания — это совсем другая страна, там сказка, здесь были: другие герои и другие законы жанра. Жизнь без церемоний. И Галя не церемонилась, рубила с плеча: Галина прямота ошеломляла, обескураживала, ставила в тупик. Например, когда один из местных принцев позвонил Гале и сказал, что попал в аварию и остался без ног, Галя поинтересовалась:

— Так ты теперь низкого роста?

Что подумала, то и спросила, а что? Нельзя?

Значит, Галя была агентом... Так мы и познакомились. Так она вошла в мою жизнь — узором по краю...

Мы меняли квартиры, разменивали — это стержень. Он обрастал подробностями: встречами, словами, недоразумениями, весёлыми карлсоновскими штанами Гали, звонками, чужими судьбами, которые входят в тебя, как в трамвай, и выходят время спустя. Потом стержень рассосался, как внутренний шов, остались подробности, которые держались друг за друга — цепко и крепко, обрастая новыми деталями, другими знакомыми и ссылками на первоисточник.

— Не понимаю, — рассуждает Галя. — А почему надо встречаться с бывшими мужьями и жёнами и хороводы водить?!

— А что надо? Убивать друг друга?! Мы же не в Азии, — и, взглянув в азиатские очи Кульзян, я спохватываюсь. — Извини, конечно.

Но Галя пропускает мимо ушей, давно соотнося себя исключительно с Галей, а не с Кульзян.

— Вот в Европе...

— А при чём здесь Европа? — удивляется Галя. — Мы не Европа, мы совсем другая страна. В дом пускать бывших жён и мужей нельзя.

— Почему?

— Ну мало ли... костей набрасают, — и Галя рассказала неприятную историю, как бывший свёкор тайно разбросал в квартире Гали дохлые кости и как Галя занемогла.

Я припомнила изящный ридикюль бывшей жены своего мужа, прикинула, могли ли там уместиться страшные останки, и расхохоталась.

— Ты зря смеёшься, — возразила Галя. — Ой, смотри, Дед Мороз!

...И был Новый год, город готовился сызнова начать жизнь, захватив с собой пару-тройку иллюзий, и с такой лёгкой поклажей собирался в путь. А по улицам мотались Деда Морозы, Снегурочки, — Галя глядела на них, ела яблоко и любила эту жизнь такой, какая она есть, — вместе с яблоком, Кузей, всей подвижностью и неподвижностью.

— Красавица, узнаёшь меня? — подмигнул Гале, пробегая мимо, Колотун Бабай.

— Узнаю, узнаю, — закивала Галя. — Ты Людмила Васильевна!

Агнел мой

По лесной тропинке, ведущей к станции, гуляли два зонтика.

— Смотри, — говорил большой синий зонтик. — Вон тучка на небе, похожа на носорога, видишь?

— Виду! — радовался маленький зелёный зонтик.

— Надо говорить: вижу. Повтори.

— Вижу, — послушно повторил зелёный зонтик.

— «Носорог бодает рогом — не шутите с носорогом!» — помнишь у Маршака?..

— Помню, — кивнул зелёный зонтик. —

А Маршак — это Пушкин?

Синий зонтик рассмеялся:

— А Арина — это Петя?

— Не-ет! — возмутился маленький зонтик. — Я не Петя... ой! — вдруг обрадовался зонтик. — А вон гриб!..

— Где, где?..

— Вон, под кустиком, нагибнись.

Синий зонтик опять рассмеялся, это был зонтик-хохотун.

— «Нагибнись!» — передразнил он. — Надо говорить: нагнись, — и синий зонтик поцеловал зелёный. — Ангел ты мой!..

— Я не агнел! — обиделся зелёный зонтик. — Я Алина!

— Ар-рина, р, р! Повтори, — строго сказал синий зонт.

— Ар-рлина, р, р! — повторил зелёный зонтик и спросил: — А что такое «агнел мой»?

Синий зонтик задумался.

— Ну как тебе сказать... это такое... с крылышками...

— У меня нет крылышек! — удивленно заметил зелёный зонтик.

— Да, действительно, — согласился синий. — Но когда говорят кому-то: ангел мой! — это означает: мой хороший, мой славный, мой любимый!.. Понял?

Вдали послышался гудок электрички.

— Бежим! — забеспокоился старший зонтик. — Бежим скорей, а то опоздаем!

Два зонтика заспешили к станции.

— Его нет!.. — горько сказал на перроне зелёный зонтик и заплакал. — Он больше не вернется к нам!..

— Глупости, — ответил синий. — Какие глупости. Значит, он приедет завтра.

— Не прие-едет, — громко ревел зелёный зонтик. — Не прие-едет!..

— Ну перестань, глупый!.. Он, наверное, не успел вовремя купить нам подарки и опоздал на электричку... приедет завтра... ой, а вон он!..

— Где, где?!

— Во-он!.. Машет нам рукой, видишь?

— Виду! — радостно закричал зелёный зонтик. — Виду!!!

По перрону, спеша и волнуясь, бежал им навстречу большой чёрный зонтик.

— Мой хороший, пригожий папа! — обнимал его зелёный зонтик. — Ангел ты мой!

И через минуту по тропинке, ведущей к дачам, шли уже три зонтика — чёрный, синий, зелёный...

По грибы с Владимиром

Голова, не обременённая волосами, одинокий зуб во рту, шляпа, пиджак, корзинка с грибами, представился: Владимир.

Любители грибных супов, вежливо подождав продолжения в виде отчества и не дождавшись, вновь забросали словами: ах, какие грибы, Владимир! продайте, Владимир! это рыжики?

— Какие рыжики?! — возмущается Владимир.

— А что это? Грузди?

— Да сами вы грузди! — Владимир в сердцах отодвигает корзину. — Та-ким дуракам даже грех грибы продавать!

Какой прелестный Владимир.

А какие он знает места! — никто не знает, а Владимир знает. Красные, белые — хоть косою коси. Но белые он не берёт, веры нет беляку: пока до-везешь — с червоточиной, радиацию любит беляк, заграница не ест. Вот лисичка — экологически чистый гриб, и червей — ни-ни. Подберёзовик не берёт — хилый гриб, разве что мраморный... Сыроежку — только зелёную. За моховиком не нагнётся, побрезгует. Красный гриб — это да. Красные в этот раз — ну просто косою косил. И рядами, рядами!..

Ах, возьмите с собой нас, Владимир, только раз, ну разочек!..

Владимир Прелестный колеблется. Компания симпатичная, но... Владимир — человек основательный, обещает подумать.

Август на исходе. А вот и Владимир! Здравствуйте, Владимир, когда же по грибы?!

Владимир ещё не подумал.

Сентябрь. Ну когда же, когда же, Владимир?..

В начале октября Владимир даёт положительный ответ. Да здравствует Владимир!

Жизненное наблюдение: счастье длится пять минут. Если оно длится дольше — это уже несчастье.

Владимир длится дольше, не смолкая ни на секунду, желая поразить, понравиться, желая рассказать всё на свете — всё, что знает, и всё, чего не знает! — секретов нет, такой он человек, этот Владимир, удалец, молодец, и смекалка при нём, и везение...

— Сначала выпью вашу водочку, — говорит на привале Владимир. — А свою я всегда выпить успею.

— Это мудро. А кем будете по профессии, Владимир?

— Да слесарь я зачуханный.

— А что так, Владимир?

— А так.

— А жена-то есть?

— Да я и сам не знаю, есть у меня жена или нет.

— Это бывает. А дети?

— И дети — не знаю, есть или нет. Наверное, есть.

— Да ты гусь, Владимир!

А грибов, кстати, нет, есть один Владимир и Владимира много. Грибов нет, а в прошлом годе были. И рядами, рядами!.. Вот на этом месте. Косой косил. А солить грибы надо правильно, и рыбу удить надо правильно...

— Да-а, Владимир, всё-то вы знаете, всё-то вы ведаете...

— Э-э, — говорит довольный Владимир. — Жаль, что ты не писатель, я б тебе ещё не то рассказал!..

А писатель есть. Но, угорев от Владимира, убежал в лес. Ему не нужен Владимир, у него свой, прелестный образ Владимира, уже взлелеянный, уже почти написанный — этакий народный мудрец-удалец, который ходит меж высоких грибов и стройно излагает свои мысли по поводу. А этот Владимир всё портит.

— Ну, пора, — говорит, вернувшись, писатель.

— А что так? — закусывает маринованным грибом Владимир.

— Голова болит, — сухо отвечает писатель.

— Это от воздуха.

— Несомненно. Не от тебя же, Владимир.

— Э-э, Владимир, всё-то вы знаете, а то не знаете, что грибы у дороги собирать нельзя: вредные.

— Так это ж я для продажи.

— Вот оно как. Гусь, гусь ты, Владимир.

В машине Владимир вновь заводит шарманку: и как он косо́й косил, и как рыбу удил, и как правильно гриб солил, и какая зарплата у шпионов...

— Счас я его замочу, — говорит сзади писатель.

— Потерпи, вот и наша дача.

Прощаемся. Беспечально. Прощай, Владимир, спасибо, Владимир.

— А за клюквой поедем? — спрашивает Владимир.

— НЕ-ЕТ!!! — дружный хор голосов, вопль отчаяния, слёзы бессилия, — изыди, изыди, Владимир!..

НЕ-ТРОНЬ-МЕНЯ (Нинон-солнышко)

Нинон родилась в городе с поэтическим названием Грязи.

Можно ли быть патриотом города Грязи? Праздный вопрос. Нинон сдуло оттуда, как только пробил час.

Другой праздный вопрос: кто её осудит? Россия — очень большая страна, но всё, что за двадцать километров от Арбата и Невского проспекта, — провинция. А молодость жадна до столичного шума.

Так что же хочется сообщить человечеству о Нинон?

Хороша как цветок. Но красота её пуглива — смотри, любуйся, а трогать не смей: спрячется, лепестки сложит, как тот особо стыдливый подвид мимозы, который так и зовётся — «не-тронь-меня».

Яркий окрас — всегда в чём-то красном, зелёном, оранжевом, словно взятом по дружбе из гардероба Карлсона! — привлекает к Нинон мужские взоры, но беда в том, что она совершенно не даёт времени перерасти импульсу в большое нежное чувство, а сразу начинает дружить: хлоп по плечу красавца, и тут же романтическое предложение достать какой-нибудь тёте Моте («очень хорошему человеку!») ортопедический матрас или хворому соседу свёкра её подруги («тоже очень хорошему человеку!») медвежью струю и сушёные заячьи сердца (прости, Господи!).

Вообще хороших «человеков» у Нинон много, они идут на неё косяком. Можно сказать, что личная жизнь Нинон — это огромная компания людей, которые вращаются вокруг неё, как планеты вокруг солнца.

— Нинон, тебя к телефону! — зовёт её хозяйка дома.

Сначала слышится рой междометий, затем появляются сложные стилистические конструкции, смысл которых давно всем знаком — достать, привезти, отвезти... Дав задание, Нинон добросовестно записывает встречные пожелания и, обогащённая новым смыслом жизни, возвращается пить чай.

— Кто это звонил, Нина? — в голосе хозяйки и в имени «Нина» вместо привычного «Нинон» слышится недоброе.

— Ты знаешь, — простодушно отвечает Нинон, — я что-то никак не могу его припомнить!..

— Не можешь припомнить?! — хозяйка застывает с чайником в руке. — И даёшь неизвестно кому номер моего телефона?!

Нинон пугается праведного гнева подруги и тут же радуется:

— Вспомнила! Это один очень хороший человек!

Нинон — девочка давно уже большая, но так и осталась душой и телом жизнерадостным пионером. Простодушный, бесхитростный цветок, мимоза, которая никогда не старается притворяться китайской розой или гладиолусом, — и в этом её очарование. Все времена, смуты, страшные правды — прошли стороной, не задев нежный росток. Время и Нинон двигались параллельно, не пересекаясь.

Нинон — патриот Отечества, но — вообще. А в частности, косметика только французская, на скудные инженерские шиши и в долг. В связи с этим всегда голодная и с удовольствием ходит в гости, где все стараются накормить её впрок. При этом имеет слабость записывать рецепты блюд, которые ей приглянулись. Но ещё ни один смертный не пробовал у Нинон ничего, кроме чая. К чаю особая любовь: в каждом доме, где кочует Нинон, есть её персональная чашка, ростом с бидон.

Другая слабость Нинон — это появляться не в тот день, когда ею обещано, а через три, а то и через неделю, и при этом с порога укачивать хозяев какими-то художественно несовершенными, но очень длинными историями про никому не известную Лену, у которой очень напряжённая личная жизнь, или Машу, у которой личная жизнь ещё напряжённей и поэтому ей, Нинон, необходимо было в срочном порядке недельку посидеть с Машиним ребёнком, кстати, чудный ребёнок!..

— Нина, жаркое стынет, иди ешь.

Спасибо. Так вот, к Маше приехал друг, а Маша...

— Нина, Христом Богом тебя прошу, только не рассказывай ты мне своих историй!..

— Но почему-у?..

— Уморишь!

Нинон соображает: обидеться или нет? Но завидев жаркое, забывает обиду, как дитя, и ест от пуза. Потом долго пьёт чай из своего бидона, с корыстной целью просит добавки — тянет время, чтобы, открыв рот, послушать рассказы других гостей: душа её всегда распахнута для чужих жизней и страстей. Однако её бедные хитрости не остаются незамеченными — почему-то считается, что негоже порочить её чистую душу излишним любовным опытом, — и на самом интересном месте Нинон, как ребёнка, отсылают в другую комнату: иди, Нинон, тебе это не интересно, кстати, сейчас твой любимый сериал начинается...

Нинон очень хочется дослушать, но сериал — тоже хорошо и даже лучше: потому что там всё красиво и всё по-честному: злодей наказан — и душа

отдыхает. Если зайти в дом, где гостит Нинон — а гостит она неделями! — то далеко не сразу можно обнаружить её пребывание в нём: так естественно и органично вписывается она в интерьер чужой квартиры, чужой быт, чужую жизнь... Лежит себе, как кошка на диване, дремлет, никому не мешает, наоборот, уютно с ней, спокойно и всегда под рукой, мало ли... вдруг что понадобится. А уйдёт — ищи-свищи её потом. Кто-нибудь другой перехватит. Нет, нет, пусть лежит. Нинон, хочешь ещё чаю? Лежи, лежи, я тебе сюда принесу...

Но Нинон ухитряется существовать сразу везде: не телом, так душой, голосом в телефонной трубке, солнечным бликом, рассредоточилась — не собрать: там живет её платье, там сумка, там подобранный где-то котёнок, а там редкая по красоте ваза — Нинон подарила!.. Нинон привезла!.. Нинон прикупила!.. Нет, пользы от неё человечеству много, одна беда...

Нинон просто одержима идеей всеобщего добра, но что совсем невозможу — заставляет трудиться на этой ниве и всех остальных. В поте лица. А это не всегда удобно. Но легче сразу же уступить Нинон, нежели выслушивать её длиннющие рассказы про всех страждущих. И вот тут ловушка: поддавшись один раз, вы как бы навсегда вступаете в некий фантастический союз, в какую-то масонскую ложу, члены которой, в большинстве своём совершенно незнакомые люди, почему-то должны по Нининому разумению что-то друг другу делать — доставать, встречать, провожать, звонить, укладывать в больницу, забирать — в общем, без дела никто не болтается, порожняком не бегают, все задействованы, и вырваться из этой каторжной цепи нет никакой надежды. И если Нинон вдруг исчезнет...

Нет, это даже страшно представить, что будет: неотложная помощь кому-то не подоспеет, кто-то кого-то не встретит, судьбы порушатся, оставленный до вечера в вашей квартире чей-то холодильник будет проклят вами навечно, а приехавший к кому-то неизвестный, но очень хороший человек Коля поселится у вас навсегда, люди будут тыкаться в поисках друг друга, как слепые: где Нинон? где наш поводырь?! Алло, Нина не у вас?.. А когда заходила?.. Ну, извините. А чёрт бы побрал эту Нинку, как провалилась!.. Алло?.. Ну наконец-е-ц-то!.. Ты где была?! Ни-ина, ну так же нельзя, ты сорвала все мои планы!.. А позвонить ты не могла?! У кого нет телефона?.. А при чём здесь Маша?! Слушай, я уже, кажется, просила не докладывать мне о ней!.. А почему ты должна была сидеть с её ребёнком?! Нина, у тебя что, нет своей личной жизни?! Кто куда улетел?.. Так, уволь, у меня нет времени слушать это полное собрание сочинений. Кстати, а она отдала тебе сумку?.. Я так и знала. Нина, ты не забыла, что эта сумка — моя?.. Это хорошо, что не забыла. Короче, тут какие-то ящики тебе привезли... Не тебе? А кому?.. Так, позвонить и что сказать?.. Постой, а ты сама-то когда явишься?.. Вечером? А вечером — это через месяц?! Ну смотри. Ключи есть? Хорошо. Всё, убегаю, суп в холодильнике, сыр, котлеты — найдёшь, в общем. Если захочешь, помой потом посуду. Так, я уже опаздываю!.. Кстати, ты не посидишь с Тарасиком?.. Да?.. О, Нино-он, ты — со-олнышко!..

Новелла

— Хочешь, я расскажу тебе, как я вчера пыталась приклеить себе на спину перцовый пластырь?

— Уже смешно.

— Ты напрасно смеёшься, — говорит Лика. — Это грустная история.

...Сначала Лика пытается, освободив пластырь от плёнки, приклеить его на спину обычным способом, но пластырь ни за что на свете не желает расстаться с пальцами. Потом Лика, отлепившись от него всеми правдами и неправдами, кладёт его на пол и норовит лечь сверху — мимо. Борьба обнажённой женщины с пластырем продолжается весь вечер: она присобачивает его к стене, двери, зеркальному шкафу, целясь в него спиной...

Во всех случаях пластырь фатально клеится только к пальцам.

— Новелла называется «Одиночество», — печально говорит Лика.

Арина Обух,
автор рисунков, дочь
Светланы Мосовой.
11 лет